

Хотя Ду Чэн и этот мужчина перекинулись лишь парой фраз, по заметно расслабившемуся выражению лица Ду Чэна Нин Циянь понял: в тюрьме у них, должно быть, были неплохие отношения.

Мужчина махнул рукой:

— Зови меня Борода. А то от твоего «братец Ань» мне как-то не по себе. Ду Чэн, пока здесь был, особо проблем не создавал, так что никакой особой опеки с моей стороны не требовалось.

Нин Циянь кивнул, веря его словам. В его представлении Ду Чэн всегда был молчаливым и нелюдимым, старался никого не задевать, так что вполне логично, что и в тюрьме он вел себя точно так же.

А вот в глазах Бороды на мгновение промелькнул игривый огонек. Он бросил взгляд на молчаливого Ду Чэна. Сказать, что тот не искал неприятностей, было правдой, но тюрьма — такое место: даже если ты не трогаешь других, они сами не дадут тебе покоя. Видя, что Нин Циянь принял его слова за чистую монету, Борода понял: о том, что Ду Чэна прозвали Безумцем, Нин Цияню никто не рассказывал. Вероятно, Ду Чэн не хотел, чтобы тот знал о тюремных буднях.

Борода невозмутимо размышлял: выходит, Ду Чэн действительно бережет этого чистого и красивого юношу, как зеницу ока. Даже о своем жестоком прошлом не обмолвился — хочет, чтобы парень оставался в неведении?

Интересно только, такая опека — это дань старой привязанности или жажда единолично владеть тем, что считаешь своим...

Цель Ду Чэна в тюрьме была именно такой, как он и сказал: убедиться, что Борода жив и невредим. Больше им обсуждать было нечего, и на этом свидание закончилось. Правда, перед уходом Борода уточнил нынешний адрес Ду Чэна и попросил: если вдруг кто-то по этому адресу будет искать его самого, пусть Нин Циянь с Ду Чэном по возможности помогут.

Сев в машину, Нин Циянь посмотрел в зеркало заднего вида на уменьшающуюся тюрьму, а затем повернулся к Ду Чэну, который был за рулем:

— Вы с Бородой были в хороших отношениях?

Ду Чэн кивнул:

— Когда я только попал в тюрьму, он мне здорово помогал.

Включая те моменты, когда он, не щадя себя, заработал свою репутацию, а Борода, используя свое влияние, помогал подчищать хвосты. Поэтому Ду Чэн всегда помнил о его доброте.

Нин Циянь поддразнил его:

— Не ожидал, что ты такой любимец публики.

Ду Чэн после этих слов посмотрел на него с каким-то странным выражением. Если бы Борода не увидел их совместную фотографию еще в самом начале, вряд ли он стал бы обращать на Ду Чэна хоть какое-то внимание, даже если бы того до смерти забили.

Нин Циянь, не поняв его взгляда, спросил:

— Что такое?

— Борода видел наше фото, только после этого начал мне помогать, — пояснил Ду Чэн.

Так что любимцем публики был вовсе не он. Нин Циянь приподнял бровь.

— Позже я узнал, что ты очень похож на его возлюбленного. Поэтому он и паялился на тебя в тюрьме, — добавил Ду Чэн.

Нин Циянь моргнул. Это что, намек на то, что он похож на женщину? Или на то, что возлюбленный Бороды похож на мужчину?

Ду Чэн легко прочитал мысли по слегка нахмуренному лицу Нин Цияня, усмехнулся и, решив немного подшутить, бросил бомбу:

— Возлюбленный Бороды — мужчина.

!!!

Нин Циянь не знал, что и сказать. А Ду Чэн, на удивление разговорчивый, объяснил, что Борода просил адрес на случай, если его возлюбленный приедет в город D и ему негде будет остановиться.

Услышав это, Нин Циянь больше не забивал себе голову лишними мыслями. Он попросил Ду Чэна выехать за город, в безлюдное место, где они набрали в мешки побольше земли.

Через несколько дней, когда хаос в пунктах временного размещения усилится, правительство отдаст приказ об эвакуации. Те, чьи дома уцелели, должны будут зарегистрироваться и съехать из лагерей. А фермерам в пригороде придется заново засеять поля, перепаханные землетрясением.

Глобальное землетрясение принесло не только жертвы, но и гибель урожая. Посевы, взошедшие весной, полегли, корни оказались на поверхности. Даже без учета зарубежных

стран, внутри государства возник дефицит продовольствия на целый сезон. И хотя многие погибли, беспокойство о будущем было оправдано — государственные запасы не бесконечны, а кормить людей бесплатно долго не получится.

Даже если зерна хватит, где взять овощи? Люди не могут питаться одним рисом.

Прошло всего полмесяца, и, кроме Нин Цияня, знающего будущее, никто еще не подозревал об аномальных изменениях климата. Поэтому правительство действовало по плану восстановления.

Но как бы там ни было, посеять как можно больше овощей и зерновых было необходимо. Нин Циянь помнил: даже спустя три года после землетрясения, до его перерождения, свежие овощи можно было обменять на зерно по очень выгодному курсу.

Они лопатами сгребали землю, очищая ее от камней и корней, и набивали мешки. Вокруг ни души, и Нин Циянь сразу отправлял мешки в свое хранилище. Земля после землетрясения была рыхлой, и за два часа они набрали более двадцати мешков — этого хватило бы, чтобы уложить толстый слой по всему дому.

На обратном пути Ду Чэн сосредоточенно вел машину, а Нин Циянь смотрел в окно. Приближаясь к городу, он заметил множество людей, которые несли сумки в сторону центра.

Нин Циянь попросил сбавить скорость и присмотрелся. Оказалось, люди несли овощи, дикорастущие травы и фрукты. Он на мгновение задумался и понял: армия, конечно, взяла под контроль основные поля и сады, но рук не хватало, чтобы собрать всё. Эти люди, должно быть, собирали урожай там, куда военные еще не добрались.

— Не могут же они съесть всё это сами. Мы могли бы выменять то, чего у нас нет в хранилище,
— сказал Нин Циянь, поворачиваясь к Ду Чэну.

Ду Чэн немного подумал:

— В пункте размещения в студенческом городке правительство выделило торговую зону. Говорят, там можно найти не только овощи, фрукты и предметы первой необходимости, но даже живой скот.

Нин Циянь воодушевился:

— За деньги?

Этого добра у них было полно — только за последнее время из-под руин они вытащили десятки тысяч юаней.

Ду Чэн покачал головой:

— Вряд ли. Сейчас за деньги можно купить разве что возможность копаться в руинах, там полно бесхозных купюр. Я слышал, сейчас всё меняют на еду. Люди не глупые, видишь, даже правительство платит не деньгами, а зерном!

Нин Циянь пожал плечами, он и сам понимал, что шансов на денежный обмен мало.

— Поедем?

Увидев, что Ду Чэн спрашивает его, Нин Циянь кивнул. Все равно делать нечего, почему бы не взглянуть? Хотя места в хранилище почти не осталось, но в доме еще полно свободного пространства. Если найдется что-то стоящее, даже если не сажать, можно просто выменять и приберечь.

Землетрясение случилось всего полмесяца назад, цены еще не успели окончательно взлететь, но позже за пачку снеков или йогурт, которые не утоляют голод, никто ничего не даст. Единственной валютой станет зерно.

Они не стали заезжать домой и сразу направились в студенческий городок.

Нин Циянь впервые был здесь после катастрофы. Ду Чэн, участвуя в спасательных работах, каждое утро собирался и вечером получал паек у входа, так что тоже внутрь не заходил.

Студенческий городок в городе D построили пять лет назад по новому плану, и только в прошлом году шесть университетов переехали сюда. Ровные дороги, прочные новые здания, широкие площади — даже сейчас, когда здесь было не протолкнуться, место выглядело совсем иначе, чем хаос в центре города. Неудивительно, что правительство решило использовать его как пункт размещения.

Свернув на нужную улицу, они припарковались на временной стоянке по указателям. Расспросив, где находится торговая зона, они направились туда.

Торговая зона расположилась на окраине городка, где раньше была коммерческая улица. Большинство магазинов закрылись, работали лишь немногие, но товары там были совсем не те, что значились на вывесках. Чаще всего торговцы просто чертили линию на асфальте и расстилали газеты, превращая их в прилавок.

Повсюду стояли полицейские, на входах дежурили солдаты с оружием. Поэтому, несмотря на мелкие кражи и грабежи, порядок здесь поддерживался неплохо.

Нин Циянь, держа Ду Чэна за руку, обходил прилавки. К его удивлению, здесь почти не продавали хлам, найденный в руинах.

Заметив недоумение Нин Цияня, Ду Чэн пояснил:

— Вещи из руин мало кто хочет менять, кому надо — сами пойдут и найдут. Поэтому всякий хлам обычно сдают в государственные пункты обмена за зерно. Пусть дают немного, но это лучше, чем ничего.

Нин Циянь понимающе кивнул и принялся внимательно осматривать товар.

Спиртовых и угольных горелок было много. В жилых домах такие редко встретишь, но в лагере, где нет кухни, кроме двух порций общей каши, чтобы приготовить горячую еду или добавить что-то к рациону, без них не обойтись.

Даже у тех, чьи дома уцелели, электричество, газ и водопровод не работали. Если не было газового баллона, приходилось пользоваться такими вот горелками.

Чуть дальше группа молодых людей выставила железные клетки. Нин Циянь мельком взглянул и потянул Ду Чэна прочь.

Грязные кошки и собаки в тесных клетках — явно не для продажи в качестве домашних питомцев. Прошло всего полмесяца, и даже в общей столовой кормят сносно, неужели кто-то будет есть бродячих животных?

Фрукты? Нин Циянь остановился и подошел ближе.

— Паренек, возьмешь фруктов? — приветливо спросил старик за прилавком.

Нин Циянь присел, разглядывая мангостины и манго, и кивнул.

— Дедушка, а у вас фрукты довольно свежие, — удивился он.

Старик улыбнулся:

— У сына был небольшой фруктовый магазинчик, остался генератор. Как свет отключили, мы его и завели. Вся семья электричество сэкономила, лишь бы холодильник с фруктами работал.

Нин Циянь осмотрел плоды:

— Почему продаете?

— Молоко есть? — спросил старик. У него две внучки, пока фрукты не испортились, нужно запастись. Хотя сын с невесткой тоже кое-что находили, старик хотел накопить побольше.

Нин Циянь подумал и кивнул:

— Молоко есть, разное. Какое вам нужно и какой курс обмена?

Услышав про молоко, старик оживился:

— Любое подойдет. Смотря что брать будете. Вот эти южные фрукты — фунт за четыре фунта молока, а местные — фунт за два. Говорят, землетрясение не только у нас, везде трясло. Местные фрукты еще ладно, а южные скоро вообще не увидим.

Нин Циянь решил не торговаться. В том супермаркете, где они были, молока много, они с Ду Чэном его не особо любили, так что обменять его на фрукты было отличной идеей.

Поскольку товара было немного, они договорились встретиться вечером у входа в торговую зону. Нин Циянь взял пять фунтов манго, пятнадцать фунтов мангостинов, которые дольше хранятся, и пять фунтов клубники.

Они пошли дальше. Продавцов овощей становилось больше, но все требовали только зерно, так что покупать он больше ничего не стал.

Ближе к концу улицы Ду Чэн увидел продавца перепелок. Если бы не надпись, они бы подумали, что продают обычных птиц.

— Перепелки? — Нин Циянь подошел к клеткам с серыми птахами.

— Паренек, присматриваешь? Мои перепелки — несушки, места не занимают, едят мало, самое то для дома. А яйца у них полезнее куриных! — затараторила женщина лет пятидесяти.

Нин Циянь не особо нуждался в перепелиных яйцах, но то, что они компактные — это факт. У них и так полно кур, уток и поросят, еще пара перепелок погоды не сделает.

— Почему?

Женщина, заметив их равнодушие, решила не завышать цену.

— Пять фунтов риса за штуку, берешь десять — одна в подарок.

Нин Циянь приподнял бровь. Дороговато. Раньше живая курица стоила двадцать фунтов, а она весит три-четыре килограмма. А что эта кроха? Одни перья да кости.

Женщина, словно прочитав его мысли, поспешила добавить:

— Пять фунтов — дорого, согласна, но они же несутся! У меня они всегда были, за год одна птица дает две-три сотни яиц. Это уже больше пяти фунтов риса! А если купишь десять, я дам

самца — можно будет разводить своих!

Нин Циянь усмехнулся: она даже про разведение заговорила. Он махнул рукой, прерывая ее:

— Только рис? Может, снеки или йогурт возьмете?

Женщина активно затрясла головой:

— Только рис, остальное не нужно.

Нин Циянь пожал плечами и выпрямился:

— Пятьдесят фунтов риса за двенадцать самок и двух самцов.

Поняв, что цену больше не сбить, женщина стиснула зубы:

— Ладно, по рукам. Только клетки не отдам.

Нин Циянь согласился. Они с Ду Чэном вернулись к машине, достали мешки с рисом из хранилища, принесли две пустые картонные коробки, завершили сделку и поехали домой.

Вечером, в назначенное время, Ду Чэн один отвез молоко старику, а Нин Циянь остался дома мастерить клетки для новых питомцев.

В тот вечер, около четырех часов, Нин Циянь вместе с Ду Чэном сидел в гостиной, поливая проросший салат.

Прошло десять дней с тех пор, как они привезли землю. Теперь, кроме спальни и ванной, весь пол был засыпан толстым слоем грунта, где колосился салат с коротким циклом роста.

Если все пойдет по плану, до того как правительство начнет эвакуацию в горы Цанъюнь, они успеют собрать неплохой урожай. А если не съедят — можно будет засолить.

Только они закончили полив, как снизу донесся шум. Нин Циянь подошел к окну: у входа в жилой комплекс две группы людей, кажется, затеяли драку.

Нин Циянь отвел взгляд, нахмурился, потянул Ду Чэна за собой, и они тут же исчезли в хранилище.

— Какая уже по счету? — спросил Нин Циянь, снимая одежду.

Ду Чэн не ответил, набрал ведро прохладной воды из колодца и вылил в таз. Нин Циянь протер тело полотенцем, наслаждаясь свежестью.

— На улице тридцать с лишним градусов, люди дерутся, не жарко им, что ли?

— От жары и злятся. У нас еще ничего, а в лагерях, даже под присмотром военных, уже полный бардак, — ответил Ду Чэн, поливая грядки.

Нин Циянь достал миску охлажденной вишни, и они сели в саду.

— Вот увидишь, скоро начнется настоящее безумие.

Как и предсказывал Нин Циянь, через пять дней город D захлестнула волна беспорядков.

Началось все с пункта размещения на стадионе: несколько группировок, словно сговорившись, одновременно подняли бунт и ворвались на склады с продовольствием. Военные не успели среагировать, все запасы разграбили. Через день начались погромы в экопарке и парке Луншань.

А вот пункт в студенческом городке, где первыми восстановили электричество, стал прибежищем для всех детей, стариков, беременных и раненых. Из-за большого количества уязвимых граждан охрана там была усилена, и беспорядки подавили в зародыше. В отличие от трех других мест, там удалось сохранить порядок.

Бунт был внезапным и массовым — участвовали в основном обычные люди. Возможно, это была накопившаяся боль от потери близких, возможно, слухи о конце света, а может, тоска по нормальной жизни, которая заставляла людей, лишившихся крова и переведенных на «общий котел» и подачки, идти на поводу у провокаторов.

Перед такой толпой даже вооруженным солдатам было трудно открыть огонь.

Падение трех пунктов размещения вынудило правительство стянуть силы, защитить скрытые запасы и эвакуировать граждан в Северо-восточный район, сделав студенческий городок центром обороны.

Бунтовщики заняли три района, но их палки и ножи не могли противостоять огнестрельному оружию. И из-за того, что армия не могла стрелять в толпу, возникла странная патовая ситуация.

— Тысяча фунтов риса, аренда на два года.

Офицер в военной форме скрепил печатью два экземпляра договора и передал один Нин

Цияню. Тот взял бумагу и кивнул офицеру, наблюдая, как солдаты выносят мешки с рисом в коридор.

Беспорядки в трех районах их с Ду Чэном мало касались. Пользуясь тем, что правительство начало сдавать в аренду пустующее жилье, они решили снять квартиру по соседству.

Теперь даже правительство не принимало бумажные деньги. Хочешь снять жилье? Плати зерном.

Квартира была меньше их собственной — сто квадратных метров, две комнаты, аренда — пятьсот фунтов риса в год. Поскольку зерна у них было много, они оплатили сразу два года, а оставшихся запасов хватило бы на долгие годы.

— Теперь нужно подумать, как установить надежную дверь, — сказал Нин Циянь, глядя на пустой коридор.

Ду Чэн, прислонившись к косяку, подумал:

— Найдем кого-нибудь.

Хотя он и сам был мастером на все руки, но возвести стену и поставить дверь — задача не из легких. Нин Циянь кивнул. Сейчас за зерно правительство предоставляло профессионалов — и дешево, и надежно.

— Пойдем, прямо сейчас и договоримся. С хорошей дверью спокойнее, — Нин Циянь убрал договор в хранилище, закрыл дверь, и они спустились вниз.

Времена были беспокойные, и после гибели Ду Чэна в прошлой жизни Нин Циянь хотел быть с ним неразлучным, как сиамские близнецы. Где бы они ни были, всегда вместе — если случится беда, он сможет мгновенно затащить его в хранилище.

Ду Чэн не до конца понимал причины такой тревоги, но ему очень нравилось, что они проводят вместе двадцать четыре часа в сутки.

В консультационном центре они подали заявку на установку двери, внесли два фунта риса в качестве задатка и договорились о времени.

Уходя, Нин Циянь поинтересовался ситуацией в тюрьме. Хотя район, где она находилась, тоже охватил хаос, из-за специфики объекта правительство прислало туда войска. Продовольствие доставляли под усиленной охраной. Сроки заключения многих были пересмотрены в сторону сокращения. Консультант пообещал бесплатно помочь узнать новый срок, если у них там были знакомые. Правда, на это требовалось время.

<http://bllate.org/book/18708/1808065>